Гальперин Михаил Самойлович

КПК И КОМИНТЕРН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОМИНЬДАНА В 1928-1937 ГГ.

Статья рассматривает события и процессы, связанные с деятельностью Нанкинского Гоминьдана на внешнеполитической арене в период между поражением революции 1925-1927 гг. и началом активизации японской военной и политической экспансии в отношении Китая, когда и Коминтерн также усилил свою поддержку и управление КПК в русле пресловутого "пролетарского интернационализма". Автор проводит мысль о необходимости взвешенного объективного подхода к оценке как исторической значимости этого периода для исторических судеб Китая, так и роли Чан Кайши как политического лидера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 62-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.6+94(510).092

Статья рассматривает события и процессы, связанные с деятельностью Нанкинского Гоминьдана на внешнеполитической арене в период между поражением революции 1925-1927 гг. и началом активизации японской военной и политической экспансии в отношении Китая, когда и Коминтерн также усилил свою поддержку и управление КПК в русле пресловутого «пролетарского интернационализма». Автор проводит мысль о необходимости взвешенного объективного подхода к оценке как исторической значимости этого периода для исторических судеб Китая, так и роли Чан Кайши как политического лидера.

Ключевые слова и фразы: Нанкинское правительство; Коммунистическая партия Китая (КПК); ВКП(б); Коминтерн; финансовая помощь; Чан Кайши; Япония; США; Германия; западные державы; Сиань.

Михаил Самойлович Гальперин, к. филос. н., доцент
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
mgalperin@list.ru

КПК И КОМИНТЕРН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОМИНЬДАНА В 1928-1937 ГГ.©

Внешняя политика нанкинского правительства строилась в этот период на традиционном принципе «балансира» и определялась стремлением использовать обострение противоречий между Японией и западными державами на Дальнем Востоке, для того чтобы локализовать грядущую японскую агрессию, ослабить давление Японии на Китай, с перспективой более широкой всесторонней поддержки своего режима со стороны западных держав как конкурентов Японии.

При этом Чан Кайши и его окружение стремились использовать японскую угрозу как своего рода опору при проведении политики подавления революционных сил и укрепления своего контроля над региональными группировками. Формально это проявилось в том, что Чан Кайши и его правительство заняли по отношению к японским агрессорам капитулянтскую позицию. Эта тактика строилась в духе традиционных китайских стратагем, в расчете на то, что, либо рост японской экспансии в Китае приведет к открытому столкновению Японии с Англией и США, либо под давлением конкурентов Япония изменит направление агрессии и, пользуясь поддержкой всех антисоветских сил, направит свои притязания на советский Дальний Восток.

Япония, рассчитывая на колониальное подчинение Китая, с самого начала выступала против любых попыток нанкинского правительства объединить страну. С началом мирового кризиса, пользуясь ослаблением своих основных конкурентов в Китае - Англии и США - она активизировала действия в Северо-Восточном Китае, подготавливая почву для открытой агрессии.

Однако нанкинский режим, несмотря на опасное усиление Японии на Северо-Востоке Китая, начал в 1929 г. серию активных вооруженных выступлений на КВЖД и советско-китайской границе, что привело 17 июля к разрыву дипломатических отношений с СССР с последующим вооруженным конфликтом на границе. При оценке складывающейся ситуации нельзя сбрасывать со счета и продолжение вооруженного противостояния ГМД и КПК, поглощавшее значительную долю ресурсов нанкинского правительства и препятствовавшее стабильному социально-экономическому развитию.

Вместе с тем, здесь, помимо желания получить очередные гарантии от Запада, просматривается вполне закономерная реакция нанкинского режима на меры, предпринимаемые СССР по развитию и дальнейшему расширению советского движения в Китае на фоне японской агрессии. В этом плане представляется возможным согласиться со следующей точкой зрения видного американского исследователя Дж. Томсона: «Коммунистическая стратегия имела глубокий эффект на Нанкинское правительство, начавшийся в 1931 г. Во-первых, красные… ухватились за защиту сопротивления Японии, как мощное оружие пропаганды. С “Жуйцинской декларации войны” против Японии в начале 1932 г. и далее они были способны внушить очень патриотический имидж своими обличениями новой империалистической угрозы. Их тактика втиснула правительство (*нанкинское - М. Г.*) в уязвимое и неудобное промежуточное положение между Сциллой Японии и Харибдой Жуйцина, она заставила Чана казаться некоторым не только “реакционером”, но и “лакеем” экспансионистов Токио.

Вторая сфера, в которой коммунистическая угроза определяла судьбу Нанкина, была сферой военных действий. Советы вынудили Нанкин модернизировать его армии и экспериментировать с тактикой до такой степени, до которой он, в противном случае, и не пытался бы. <…> В некотором смысле, объединение страны было фактически продвинуто потребностью уничтожить Коммунистические армии» [8, p. 18-19].

Деятельность Коминтерна по обеспечению успеха Северного похода подтвердила в свое время такую оценку.

Поэтому существенным, если не основным, фактором, оказывавшим влияние на состояние и деятельность нанкинского правительства, следует все же рассматривать непрекращающуюся деятельность КПК по всемерному ослаблению гоминьдановского режима. Причем, после неудачных попыток организации политических выступлений рабочих, к которым добавились трудности, связанные с нелегальной работой

© Гальперин М. С., 2011

«красных» профсоюзов, на первый план, по мнению значительной части китайских коммунистов, выступило опять-таки массовое вооруженное восстание. Главную роль в нем должна была играть армия. Поэтому руководство КПК обратило пристальное внимание на сельские районы страны, где присутствовала благоприятная обстановка для создания армии при активном участии и под командованием коммунистов. Этому способствовали и объективные условия в виде политической и экономической раздробленности страны, слабой связи между городом и деревней, постоянных конфликтов между милитаристами. В свою очередь, в обстановке ожесточенных локальных войн в армиях милитаристов нарастало недовольство условиями службы. Умелое использование этого недовольства коммунистами, проникавшими в гоминьдановские армии на командные должности, сделало «уход» отдельных частей милитаристских войск одним из основных источников создания вооруженных сил КПК» [2, с. 323].

Еще одним, практически неисчерпаемым источником создания вооруженных сил под эгидой КПК, являлись вооруженные отряды разного рода тайных обществ, «отрядов самообороны», появившихся повсеместно после Синьхайской революции, а также многочисленных бандитских сообществ. Иначе говоря, в китайской деревне уже к концу 1920-х годов оказалось множество различного типа военизированных отрядов и организаций, не говоря уже о значительном количестве оружия. Не удивительно поэтому, что ИККИ, учитывая эти условия, настоятельно рекомендовал руководству КПК брать курс на создание в сельских местностях собственных вооруженных сил, что было закреплено в решениях VI съезда КПК [Там же, с. 324].

В 1928 г. складывавшиеся на основе этой своеобразной питательной среды части Красной армии предприняли первые успешные попытки установления своего контроля в определенных районах, положив начало созданию ряда революционных баз и формированию «партизанского» движения в тылу гоминдановских армий для последующей войны с нанкинским правительством [Там же, с. 325].

Однако думается, не имеет смысла подробно рассматривать в данной статье ход и основные события этого длительного военного противостояния между КПК и ГМД, довольно подробно исследованного в отечественной исторической литературе. Достаточно только сказать, что этот дестабилизирующий внешний - в прямом и переносном смыслах - фактор постоянно присутствовал во внешнеполитических аспектах деятельности правительства Чан Кайши, что отражалось как на внутренней политике правительства, так и на личных убеждениях генералиссимуса. На практике это проявлялось не только в жестоком терроре, носившем, в целом, превентивный, но нередко неоправданный характер, но также в активном идеологическом воздействии на население с помощью таких традиционных черт китайцев, как корпоративно-земляческие связи и восприятие окружающего мира через призму китаецентризма. Не удивительно, что на фоне неудач в попытках проведения каких-либо преобразований подобного рода пропаганда превращалась в социальную демагогию. С другой стороны, нельзя не видеть и пропагандистский эффект определенных успехов, достигнутых в аналогичных мероприятиях в «освобожденных районах». Особенно это касалось проведения аграрных преобразований, которые выглядели весьма убедительно на фоне практического бездействия нанкинских властей в сельскохозяйственных районах. Подобная ситуация в условиях противоборства КПК и ГМД могла со временем стать взрывоопасной. В этой связи не лишено оснований следующее образное замечание Дж. Томсона: «С крахом сталинистской стратегии в Китае в годы после 1927 г., китайский коммунизм был вытолкнут в сельское захолустье и был спрессован, как это выяснилось, в очень полезный альянс с крестьянством. Что и говорить, союз был менее чем выигрышной комбинацией в дни приведенной в боевую готовность Жуйцинской Республики» (*Китайской Советской Республики, образованной в 1931 г. со столицей в г. Жуйцине - М. Г.*) [8, p. 98].

После фактического поражения трех карательных походов против советских баз, в условиях усиления милитаристских междоусобиц и начала прямой агрессии Японии, положение нанкинского правительства значительно осложнилось, поскольку это создало благоприятные условия для дальнейшего усиления военных и политических позиций КПК, разумеется, под непрерывным контролем Коминтерна.

Так, летом 1931 г. Президиум ИККИ («штаба мировой революции»), проанализировав обстановку в Китае, которая к этому времени характеризовалась наличием достаточно сильной Красной армии, советских баз в деревне, несмотря на ослабление позиций КПК в городах, дал новую директиву относительно тактики борьбы в Китае. В его резолюции от 26 августа 1931 г. «О задачах КП Китая» открыто говорилось о том, что в создавшихся в Китае условиях «***Красная армия, руководимая коммунистами, естественно становится*** центром собирания, сплочения и организации революционных сил рабочих и крестьян, важнейшим рычагом подъема всего революционного движения... ***основной формой борьбы за свержение гоминьдана***» (*выделение наше - М. Г.*) [2, с. 331]. В связи с этим, основными задачами, поставленными перед КПК, являлись: усиление армии и прочное ее закрепление в советских базах, ускорение строительства органов новой власти в советских районах, создание центрального советского правительства развитие революционной борьбы на несоветских территориях, согласование работы в гоминьдановских районах с решением задач советского движения [Там же]. Совершенно очевидно, что речь открыто шла о неизбежном уничтожении ГМД в обозримой перспективе, для чего необходимо было использовать как военную силу, так и все доступные методы подрывной работы в «тылу врага». Причем, эта установка опиралась, как и раньше, на реальную практическую, точнее, финансовую поддержку ВКП(б) - Коминтерна. Так, в октябре 1930 г. в Москву на имя Я. К. Берзина, одного из руководителей Коминтерна и военной разведки РККА), было отослано письмо члена Дальбюро ИККИ, руководителя группы военных советников при ЦК КПК, сотрудника IV управления

Штаба РККА А. Ю. Гайлиса относительно увеличения финансовой помощи поскольку «…профработа сейчас требует больших расходов и т.п.». Эти деньги требовались «для организации постоянных маршрутов, посылки людей, директив и т.д. в советские районы» [7, с. 132].

В свете содержания данной директивы, а также приведенных здесь новых рассекреченных архивных данных вряд ли справедливо говорить о «реакционности» и «агрессивности» гоминьдановского режима, который был, просто вынужден предпринимать все возможные меры для обеспечения самой возможности своего существования. Если же учесть, что «численность китайской Красной армии вместе с партизанскими отрядами, отрядами Красной и Молодой гвардии к концу 1931 г. достигла 100 тыс. человек» [2, с. 331], то становится вполне объяснимой вынужденная необходимость оттока значительных финансовых и материальных средств на поддержание и оснащение армии. «В стране, которая требовала массивных сбережений в своем сельскохозяйственном секторе, чтобы поддержать индустриальное развитие… национальная оборона пожирала до 45% годового бюджета» [8, p. 16].

В этих условиях *задача разгрома Красной армии* объективно выдвигалась для Чан Кайши на передний план как *залог стабильности режима и возможности проведения социально-экономических преобразований*.

В этом смысле агрессия Японии способствовала определенной стабилизации отношений между региональными группировками - нанкинской и гуандун-гуансийской. В ноябре 1931 г. в Нанкине состоялся IV съезд гоминьдана с участием представителей группировок. Съезд избрал новый состав руководящих органов гоминьдана с примерно равным представительством от Нанкина и Гуанчжоу и принял Временную конституцию и новый «Органический закон». Благодаря наметившемуся альянсу, в начале января 1932 г. в Нанкине был сформирован новый состав национального правительства во главе Ван Цзинвэем. Чан Кайши занял ключевой пост главнокомандующего вооруженных сил. Нужно отметить при этом, что лидеры нанкинской группировки сохранили преобладающие позиции в партийном аппарате и в армии, а «реорганизационисты» добились значительного влияния в гражданских ведомствах правительственного аппарата.

Однако крупные военные столкновения милитаристских группировок в основных районах страны на время прекратились, сменившись иными формами политического и военного давления и маневрирования. Естественно, наибольшие шансы в условиях такого относительно мирного противостояния имела группировка Чан Кайши, опиравшаяся на поддержку ведущих держав и располагавшая наиболее боеспособной в Китае армией и тайной полицией, благодаря активной и всесторонней помощи держав и, в первую очередь, Германии [3, с. 41-44, 115-118]. Поэтому уже к середине 30-х годов группировка Чана ослабила позиции своих соперников в центральных органах Гоминьдана и нанкинского правительства и приобрела решающее влияние на формирование его внутренней и внешней политики. Обладая полномасштабным контролем над армией, группировка Чан Кайши доминировала в центральном аппарате и большинстве местных организаций Гоминьдана, а также держала в своих руках основные финансово-экономические учреждения нанкинского правительства, прежде всего, банки. Представители этой группировки возглавляли большинство наиболее важных в экономическом и политическом отношении провинций Восточного, Северного и Центрального Китая. К 1935 г. под контролем группировки Чан Кайши оказались также провинции Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань [2, с. 334-335].

Расширение сферы влияния нанкинского правительства в эти годы на ряд основных районов страны отнюдь не привело к полному и устойчивому объединению Китая под эгидой Гоминьдана. На юг и юго-запад, а также на обширные районы, населенные национальными меньшинствами: Тибет, Синьцзян и др. - нанкинское правительство практически не имело серьезного влияния. В принципе, справедливо употреблять термин «военно-политический контроль», нежели «объединение», так как сама группировка Чан Кайши и гоминьдановский партийно-политический аппарат оставались арифметической суммой соперничающих фракций, а земляческие и региональные связи, по-прежнему, преобладали над политическими обязательствами, законами и уставами. Поэтому не вызывает удивления тот «примечательный и часто забываемый факт, что американские дипломаты в Китае рассматривали нанкинское правительство, его руководство и его будущее с, фактически, полным унынием… С 1931 г. до Сианьского инцидента чиновники внешнеполитических служб вообще отчаялись относительно способности Гоминдана объединить Китай, не говоря уже об управлении им» [8, p. 27-28]. В этой связи представляет интерес мнение, хотя и до некоторой степени субъективное, одного из них - представителя администрации США в ранге посланника (а с 1935 г. - посла) Нельсона Т. Джонсона, находившегося в Китае с 1931 г.

Как отмечает Дж. Томсон, «Джонсон был человеком с долгим китайским опытом и терпеливым, философски-либеральным характером… Он рассматривал политический хаос, как столь же свойственный Китаю и большинству режимов, сколь и преходящий». Но подобное благодушное восприятие реальностей очень скоро сменились противоположным настроением.

Уже «в начале 1933 г. Джонсон сообщил …госсекретарю, что правительство, при котором он был аккредитован, было “фракционным, а не национальным”, что оно показало “мало доказательств наличия конструктивного собственного мнения и позволило делам дрейфовать более или менее бесцельно”» [Ibidem, p. 28]. Через год пессимизм посланника Джонсона усилился, о чем свидетельствует следующее весьма резкое суждение: «Ни разу за мой опыт я не чувствовал, что внутриполитическая ситуация настолько обескураживающая». Гоминьдан «все более и более импотентен. Его руководство разделено и ухудшилось... Партия остается для многих просто миской риса, которая сильно треснула». Далее следует риторический вопрос: «Ну, и что

толку от внезапно появившегося сильного человека Китая? Контроль Чан Кайши простирался только на горстку областей Янцзы». По мнению Джонсона, есть «небольшая надежда, если она есть вообще, что Чан может объединить Китай» [Ibidem].

Внешняя политика нанкинского правительства в период 1931-1937 гг. строилась на традиционном принципе «балансира» и определялась стремлением использовать обострение противоречий между Японией и западными державами на Дальнем Востоке, для того чтобы локализовать японскую агрессию, ослабить давление Японии на Китай, с перспективой более широкой всесторонней поддержки своего режима со стороны держав - конкурентов Японии в борьбе за влияние в регионе.

При этом Чан Кайши и его окружение стремились использовать японскую угрозу как своего рода опору при проведении политики подавления революционных сил и укрепления своего контроля над региональными группировками. Формально это проявилось в том, что Чан Кайши и его правительство заняли по отношению к японским агрессорам капитулянтскую позицию. Эта тактика строилась в духе традиционных китайских стратагем в расчете на то, что, либо рост японской экспансии в Китае приведет к открытому столкновению Японии с Англией и США, либо под давлением конкурентов Япония изменит направление агрессии и, пользуясь поддержкой всех антисоветских сил, направит свои притязания на советский Дальний Восток.

Вместе с тем, при оценке ситуации нельзя сбрасывать со счета и продолжение вооруженного противостояния ГМД и КПК, поглощавшее значительную долю ресурсов нанкинского правительства и препятствовавшее стабильному оздоровлению экономики. Как утверждается по этому поводу в официальной отечественной историографии, «кризисное состояние промышленности, деградация, сельского хозяйства обусловили крайне низкий уровень накоплений, которые поглощал рост расходов на армию для борьбы против собственного народа» [Ibidem, p. 338]. Под «собственным народом» следует, вероятно, понимать Красную армию, а также деятельность «представителей КПК» на подконтрольной нанкинскому правительству территории по мобилизации рабочих и крестьян на борьбу против режима.

Вообще, если оценивать в целом положение правительства Чан Кайши в этот период, то его можно, на наш взгляд, охарактеризовать как нахождение «между молотом и наковальней». С одной стороны, мы наблюдаем экспансию Японии, которая открыто стремится аннексировать значительную часть территории страны. С другой - непрекращающееся давление в той или иной форме со стороны КПК, старающейся любым путем дискредитировать деятельность нанкинского правительства и самого Чана в глазах народа и захватить власть, распространив «революционно-демократическую диктатуру рабочего класса и крестьянства» с «советских районов» на весь Китай. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что Чан Кайши не воспринимает всерьез предложения руководства КПК об объединении усилий в борьбе с Японией. Он прекрасно отдает себе отчет в том, что такой «союзник», отказывающийся на время от своих далеко идущих намерений, представляет собой гораздо более серьезную угрозу на обозримую перспективу, нежели явный враг извне. В этом, по нашему мнению, кроется главная причина его пассивности в отношении оказания сопротивления Японии и упорное стремление ликвидировать «освобожденные районы» и Красную армию, пользующиеся фактически открытой поддержкой Коминтерна, СССР и всего «мирового коммунистического движения».

К тому же, Чан Кайши еще после своего визита в Москву в октябре 1923 г. в докладе Сунь Ятсену дал явно понять, что уловил тенденцию в политике РКП(б), которая особенно усилится после 1926 г.: превратить в Китай в инструмент своей политики в проведении стратегии т.н. «мировой революции» [4, с. 15, 17, 18, 21-26; 5, с. 112-114, 129-132], что фактически угрожало движению за национальную независимость, и отрицал целесообразность сотрудничества с Советской Россией [1, с. 39]. В этом ключе следует понимать точку зрения Дж. Томсона при оценке стратегии и тактики Чан Кайши в отношении двух его основных противников - Японии и КПК: «Средства, применяемые правительством, были, конечно, радикально различны… Противодействия Японии, Нанкин полагался на переговоры, примирение, успокоение, и постепенное отступление. … ***Такие попытки успокоения были предназначены, чтобы продлить продолжительность жизни Нанкинского режима, давая ему время, чтобы стереть центры внутренней оппозиции***. … Против китайских коммунистов, ответ Нанкина был ответом грубой силы…» (*выделение наше - М. Г.*) [8, p. 18].

Вместе с тем, имели место реальные попытки установления контакта с КПК. В начале октября 1935 г. Чан Кайши через Чэнь Лифу уведомил по неофициальным каналам посольство СССР в Китае о том, что при условии улучшения советско-китайских отношений Гоминьдан готов прекратить войну против коммунистов и заключить с ним соглашение о совместной антияпонской борьбе. Об этом же шла речь и на встречах министра финансов Кун Сянси и самого Чан Кайши с советским послом Д. В. Богомоловым в октябре 1935 г. [3, с. 165-166]. Несмотря на отказ СССР заключить военный союз с Китаем из опасения втягивания СССР в войну с Японией, в декабре 1935 г. встречи генералиссимуса с советским послом возобновились. Чан Кайши выражал сожаление о былых «недоразумениях» в советско-китайских отношениях, в том числе по вопросу об отношении к КПК. Одновременно, в целях предотвращения гражданской войны и организации совместного сопротивления в приближающейся войне с Японией, некоторые члены Гоминьдана по заданию Чан Кайши провели ряд встреч с представителями КПК в конце 1935 г. и в мае 1936 г. [Там же, с. 192-193].

Подобную тактику группировки Чан Кайши в отношении Японии поддерживала, кстати, хотя и с несколько иных позиций, группировка Ван Цзинвэя, выступавшая за ориентацию на Японию. Сторонники этой линии, исходя из явно шовинистических воззрений, утверждали, что лишь через «тесный союз» с Японией, на базе единства расы и «общих» интересов в борьбе против «белого империализма», лежит путь к

возрождению «былого величия Китая». Группировка Чан Кайши взяла курс на всемерное расширение связей с США и Англией, а с 1933 г. - с уже фашистской Германией. Важную роль в борьбе с Красной армией стало играть участие в разработке оперативных планов Чан Кайши опытных специалистов из Германии. Гитлер, придя к власти, одобрил поездку руководителя рейхсвера Ганса фон Секта в Китай. В 1933 г. Сект стал начальником генерального штаба Нанкинской армии. Затем Секта сменил фон Фалькенхаузен. Немецкие советники организовывали специальные школы, курсы по подготовке военных и военно-технических специалистов, руководили созданием военных сооружений, принимали непосредственное участие в боевых действиях [1, с. 115; 3, с. 116-121, 207-209].

Отношение западных держав к нанкинскому режиму и его планам, в силу традиционной политики защиты своих экономических интересов, в Китае было в этот период противоречивым. Поскольку Япония не только целенаправленно проводила агрессию в отношении Китая, но и усиливала экономическое проникновение, как в районы оккупированного Северо-Востока, так и в другие районы Китая, это объективно угрожало экономическим позициям США и Англии. Вместе с тем, западные державы, беспокоясь, прежде всего о стабильном контроле над нанкинском правительством, фактически пошли на признание японских захватов, рассчитывая, что Япония изменит направление своей экспансии в «пользу» СССР. Выше уже говорилось о военно-стратегических соображениях американского правительства в этом вопросе. Экономическая позиция характеризовалась тем, что «…американские интересы в Китае были просто не достаточно велики, чтобы рисковать провокацией Японии. И при этом американская доля не проходила период существенного роста. Напротив, Нанкинское правительство пришло к власти накануне Великой депрессии. Снижение экономической активности, одинаково навязываемое иностранным правительствам, так же как и частным фирмам, сделала это десятилетие десятилетием повальных сокращений в операциях и персонале» [8, p. 25].

Поэтому основную задачу западные державы видели в укреплении позиции нанкинского режима, но в определенных пределах, которые бы обеспечили сохранение и усиление экономической и политической стабильности нанкинского правительства, особенно, в условиях продолжающейся конфронтации с КПК. Главными средствами реализации этих целей представители США и Англии считали в этот период усиление прозападной ориентации правительственного аппарата гоминьдана, направление в его звенья своих советников, расширение идеологического и политического влияния в Китае, а в сфере экономики - усиление активности частного иностранного капитала.

Необходимо отметить в этой связи, что иностранный капитал оказал значительную как экономическую, так и военную поддержку нанкинскому режиму в его борьбе против угрозы развития революции. Так, согласно официальным оценкам, встречающимся в отечественной литературе, к числу наиболее крупных иностранных займов, полученных Нанкином в этот период, следует отнести уже упоминавшийся ранее американский т.н. «пшеничный» на сумму 9,2 млн долл. (1931 г.) и дополнительный «хлопковый» - 50 млн долл. (1933 г.), а также и английский заем на сумму 1,7 млн ф. ст. (1934 г). В аналогичном ключе развивались и военно-экономические отношения Гоминьдана с западными державами. Так, после принятия на совещании военных и политических деятелей в Лушани в июле 1933 г. трехлетнего плана строительства военно-воздушных сил, нанкинское правительство подписало ряд соответствующих соглашений с США, Италией и Германией [3, с. 115-117].

Нельзя не сказать, что крупные западные монополии, в целом, отрицательно отнеслись к попыткам Нанкина привлечь иностранный капитал для реализации каких-либо экономических проектов под контролем китайских властей, не желая терять контроль на китайском рынке. Поскольку правительства держав занимали в этом вопросе нейтральную позицию, то иностранный, в первую очередь, частный, капитал продолжал наращивать вложения в собственные предприятия.

Тем не менее, несмотря на сложную внутреннюю обстановку и международные проблемы, связанные с Великой депрессией, ситуация в гоминдановском Китае, с точки зрения экономической базы в виде иностранных инвестиций, была относительно благоприятной. Благодаря сложившимся более-менее стабильным условиям, нанкинское правительство в 1935-1937 гг. предприняло определенные шаги для усиления военного и экономического потенциала страны, используя возросшие после денежной реформы возможности государственного регулирования экономики. Так, например, была закончена постройка и модернизация арсеналов в Нанкине, Ханьяне, Ханчжоу, Наньчане, морского арсенала в Фучжоу. Активизировалось строительство железных и шоссейных дорог, линий связи, а также поиск и добыча в районах по направлению к и от Янцзы энергетического сырья и полезных ископаемых, нехватка которых остро ощущалась китайской промышленностью после захвата японцами Северо-Востока. Одновременно был подписан ряд контрактов на закупку современного вооружения и военного снаряжения в США и Германии в рамках разработанных в 1936 - начале 1937 гг. стратегического и тактического планов войны с Японией [Там же, с. 190-191].

По разработанному в 1936 г. трехлетнему «плану строительства национальной экономики» намечалось развитие ряда стратегически важных отраслей экономики, вводились дополнительные протекционистские меры, в предвоенные годы начался рост производства в ряде отраслей промышленности, значительно возросли активы китайского национального капитала. Важной чертой деятельности нанкинского правительства в эти годы явилось распространение контроля гоминьдановского государства - из области финансово-банковской системы в промышленное предпринимательство. Государственному сектору в 1936 г. принадлежало 15% китайского промышленного капитала, на долю государственных предприятий в 1937 г. приходилось 10% всего промышленного производства. В предвоенные годы государство контролировало добычу

вольфрама (на Китай приходилось 40% мировой добычи), сурьмы (70% мировой добычи) и олова, экспорт тунгового масла (10% стоимости всего китайского экспорта). Была сделана попытка поставить под контроль правительственных компаний торговлю текстилем и зерном. Эти факты объективно свидетельствовали о том, что под эгидой Гоминьдана начал формироваться государственный сектор экономики [Там же, с. 357-358].

Отмеченные выше успехи, достигнутые благодаря усилению государственного вмешательства в экономику, оказали, безусловно, самое положительное влияние на обстановку в гоминьдановском Китае. Однако бюрократический капитал Китая, в силу традиционной природы формировавших его социальных слоев, изначально нес в себе черты застоя, паразитизма, внутреннего загнивания. При этом следует иметь в виду, что он складывался, прежде всего, как финансовый капитал и банковско-финансовые операции в предвоенные годы были сферой наиболее активного и доходного предпринимательства. Нужно также учитывать, что расширение контроля нанкинского правительства на различные области экономики превратилось в источник личного обогащения во всех звеньях гоминьдановского аппарата и, прежде всего, для гоминьдановской верхушки. Коррупция во всех ее видах, свойственная, в общем, всякому бизнесу, да к тому же усиленная в гоминьдановском аппарате многовековыми традициями китайской бюрократии, была неотъемлемой чертой гоминьдановского партийно-государственного аппарата, начиная с первых его шагов, и стала впоследствии главной причиной неудач в проведении социально-экономических преобразований и последующего краха гоминьдановского режима на материке. Это видели и иностранные советники. Один из ведущих проводников идеи радикальных реформ, американский миссионер Джордж У. Шефэрд, вспоминая о своих частых контактах с генералиссимусом, отмечал, что Чан Кайши «очень желал честную администрацию в Нанкине, и повсюду в *hsiens* (*уездах - М. Г.*)». Но в то же самое время Шефэрд не мог не обратить внимание на «часто повторяемый собеседником вопрос: “Где есть честные люди, чтобы назначить [их] на эти должности?”» [8, p. 182].

Но даже в этих обстоятельствах Чан Кайши редко прибегал к крайним мерам в вопросе борьбы с коррупцией, усиливавшей политическую нестабильность. По мнению наблюдателей, «часто ему не хватало силы, чтобы сделать это». Однако наиболее вероятным объяснением такого отношения может служить тот факт, что он «…рассматривал большинство политических группировок Китая - за исключением коммунистов - как потенциальную поддержку национального единства» [Ibidem, p. 11]. Но с другой стороны, подобная критическая обстановка требовала и решительных действий для устранения причин, ее порождающих. Наглядные примеры решительности были прямо перед глазами: «…еще раз христианский реформатор (*Джордж Шефэрд - М. Г.*) оглядывался ***на других, которые пытались изменить Китай***, и справедливо прорывается вопрос…: “***Что бы сделал Бородин в подобном случае?”***» (*выделение наше - М. Г.*) [Ibidem, p. 178]. Этот вопрос представляется весьма многозначительным по содержанию и выглядит не столь риторическим, как это может показаться на первый взгляд. Думается, излишне говорить о том, что советник М. М. Бородин, обладавший огромным опытом легальной и, особенно, нелегальной работы за рубежом, и в Китае, и в США, проявил бы бо̀льшую активность и настойчивость в поиске и принятии всех необходимых мер для преодоления возникшей проблемы.

Впрочем, в данном случае необходимо признать, что и китайские «бородины» могли действовать не менее решительно, хотя подчас не до конца просчитывая последствия своих предприятий. Убедительным примером подобного рода непродуманных действий, думается, могут служить события в Сиани, когда генералы-сепаратисты арестовали Чан Кайши в ответ на отказ удовлетворить их требования откровенно политического характера, основанные на предварительном соглашении с руководством КПК. Выступление против политики правительства двух крупных армий во главе с командующими и арест Чан Кайши резко обострили политическую обстановку и поставили страну на грань новой гражданской войны. В такой обстановке конфронтация с ГМД и силовые меры против Чан Кайши, как справедливо отмечает А. С. Титов, противоречили национальным интересам и были выгодны, в первую очередь, Японии [6, с. 152]. К тому же эта акция не нашла поддержки у различных сил и организаций, выступавших против всяких междоусобных войн. Более того, она сработала на генералиссимуса, который, как бы там ни было, удержал страну на грани новой катастрофы. Кроме того, она стала и мощным рычагом повышения его авторитета в глазах населения и объединения всех слоев общества во имя национальных интересов. По свидетельству очевидцев, «когда новости относительно освобождения генералиссимуса были переданы по радио нации на Рождество 1936 г., объединение общественной поддержки было драматическим и всеобщим. Моментально Чан пришел к тому, чтобы олицетворять нацию и ее судьбу» [1, с. 155; 8, p. 20].

Происходящие события вызвали мощный резонанс как в самом Китае, так и за рубежом. В стране было введено военное положение, создалась реальная угроза гражданской войны. Только благодаря личному вмешательству арестованного генералиссимуса удалось избежать карательного похода верных ему войск на Сиань для подавления мятежа [3, с. 214-215].

Коминтерн и ВКП(б), увидевшие опасность подобного развития событий, дискредитирующих КПК, а, следовательно, и все революционное движение, «помогли КПК взять правильный курс». Вмешательство Коминтерна предотвратило опасные действия, на которые объективно толкал партию в декабре 1936 г. Мао Цзэдун.

Но помимо революционно-стратегических соображений, позиция СССР и Коминтерна, в немалой степени, определялась военно-тактическими аспектами. Из материалов архивов, ставших доступными в последние годы, следует, что ЦК КПК в 1936 г. рассмотрел и утвердил план создания Северо-Западного правительства национальной обороны, опирающегося на Красную и Северо-Восточную армию Чжан Сюэляна

в количестве 200 тыс. бойцов и командиров, на содержание которой, естественно, требовались значительные денежные поступления. Кроме того, с октября 1934 г. руководство КПК поставило вопрос о помощи средствами и различными видами вооружения. «Помимо финансового вопроса, также очень важный вопрос военный, - сообщалось в телеграммах ЦК КПК. - Мы надеемся получить самолеты, тяжелую артиллерию, снаряды, пехотные винтовки, зенитные пулеметы, понтоны... и т.д.» [7, с. 135]. От командования Красной Армии Китая поступило два варианта плана операций с целью получения оружия из СССР. Первый и основной план предусматривал прорыв к границам МНР через Нинся к декабрю 1936 г. Второй предполагал организацию нового похода в Синьцзян. Советское высшее руководство согласилось только с первым планом: после занятия китайской Красной армией района Нинся «будет оказана помощь оружием в размере 15-20 тыс. винтовок, 8 пушек, 10 минометов и соответствующего количества боеприпасов иностранного образца». При этом предлагалось оружие «сосредоточить к декабрю 1936 г. на южной границе МНР и продать его через… иностранную фирму, подготовив транспорт для переброски его в Нинся. …Однако монгольский вариант военной помощи КПК оказался неосуществимым из-за невозможности Красной армии пробиться к границам МНР, а также в связи с возникшими к ноябрю 1936 г. опасениями, что это может вызвать конфликт между Японией и СССР» [Там же]. Таким образом, существовали вполне реальные планы по дальнейшему усилению китайской Красной армии с ее прорывом в Нинся для дестабилизации военно-политической обстановки в пользу КПК.

Между тем, события в Сиани носили знаковый характер по своим последствиям, как текущим, так и на перспективу. Во-первых, «сианьское похищение ознаменовало сдвиг Нанкина от политики «единства прежде сопротивления» к «сопротивлению прежде всего». Шум в пользу его освобождения проистекал еще из одного соображения: к декабрю 1936 г. стало ясно русским, китайцам, точно также как и японцам, что самая большая сила для сопротивления Японии лежит в личности Чана и в единстве, которое он выковал» [8, p. 20]. Та же точка зрения присутствует в оценке З. Д. Катковой, которая считает, что «…несмотря на публичные соглашательские заявления, Чан Кайши был настроен антияпонски и прилагал усилия для укрепления национальной обороны. Рост авторитета Чан Кайши и проводимое им объединение страны давали японцам повод рассматривать его в качестве своего злейшего врага» [3, с. 155].

Во-вторых, «победа, предоставленная Чану его двумя главными противниками, была пирровой в свете более поздних событий. Японцы и коммунисты, которые привели его к этому пику власти, должны были вскоре напасть на него и довести его государство до разрушения в длительной войне. Подобно бесчисленным династиям до него, Чан Кайши было предназначено нанести поражение при двойном нападении внешнего агрессора и внутреннего мятежника» [8, p. 20].

Рассматривая, в целом, содержание и характер нанкинского правительства в послереволюционное десятилетие, все же нельзя не видеть ту роль, которую играл сам Чан Кайши. При всех специфических чертах Чан Кайши, как человека и *политического лидера*, именно он в тот период воплощал идею национального объединения в глазах народа, хотя основу его традиционно искал в идеалах прошлого. Вероятно, причины этого следует искать как в его профессиональных качествах, так и в условиях, повлиявших на его формирование, как личности.

Но, опять-таки, следует при этом иметь в виду обстановку, в которой осуществлялись, пусть временами бессистемно и безрезультатно, социально-экономические преобразования на подконтрольной Гоминьдану территории. «Никакая картина Нанкинского правительства не является полной или постижимой без внимания к двойному недугу, который остро поразил режим с 1931 г. и далее. Роль, которую играли китайские коммунисты и японские экспансионисты в подрыве Гоминьдана, была решающей. Все Нанкинское десятилетие было десятилетием, в котором силы правительства были посвящены большую часть времени тому, чтобы отразить обе угрозы» [Ibidem, p. 18-19].

Подводя итог проведенному выше краткому анализу внешней политики нанкинского Гоминьдана в 1928-1937 гг., можно все же с определенной долей уверенности говорить об особой роли этого периода в новейшей истории Китая. «Десять лет Нанкинского правительства формируют уникальную и относительно связную политическую единицу в докоммунистической китайской истории в современную эру… Его годы стоят особняком от того, что предшествовало им и что последовало. …В хаосе Китая между 1911 г. и 1949 г. они (*эти годы - М. Г.*) являются периодом ***переходной полу-стабильности***. И в промежутке современной китайской истории они - ***связная единица времени***» (*выделение наше - М. Г.*) [Ibidem, p. 6-8].

Ту же, в общем, справедливую оценку места Нанкинской декады и роли Чан Кайши в истории Китая дает З. Д. Каткова: «Чан Кайши и его сторонникам удалось вырвать Китай из оков полуколониализма… Отстаивать интересы своей страны на международной арене ему приходилось в условиях сложной внутриполитической обстановки: шла борьба правительственных армий с милитаристскими группировками и силами, руководимыми КПК. …Гоминьдановский режим просуществовал в Китае более 20 лет. За это время Китай прошел сложный путь и превратился из полуколониальной в великую державу. В этой связи …период нанкинского десятилетия имеет большое значение, так как ***именно в эти годы были заложены основы для превращения Китая в равноправного члена мирового сообщества*** (*выделение наше - М. Г.*) [3, с. 237].

Список литературы

1. **Воронцов В. Б.** Судьба китайского Бонапарта. М.: Политиздат, 1989. 336 с.
2. **История Китая: с древнейших времен до наших дней.** М.: Наука, 1974. 534 с.
3. **Каткова З. Д.** Китай и державы. 1927-1937 гг. М.: Восточная литература; РАН, 1995. 278 с.
4. **Коминтерн и ВКП(б) о китайской революции: основные решения.** М. - Ленинград: Государственное издательство, 1927. 91 с.
5. **Программа и Устав Коммунистического Интернационала.** Изд-е 2. М.: Партийное издательство, 1932. 199 с.
6. **Титов А. С.** Борьба за единый национальный фронт в Китае. 1935-1937 гг. М.: Восточная литература, 1981. 214 с.
7. **Усов В.** Финансовая помощь Коминтерна КПК в 20-30-е гг. XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 1.
8. **Thomson James C., Jr.** While China Faced West: American Reformers in Nationalist China. 1928-1937. Fourth printing. Cambridge, 1980. 310 p.

COMMUNIST PARTY OF CHINA AND COMINTERN IN FOREIGN POLICY OF KUOMINTANG IN 1928-1937

Mikhail Samoilovich Gal'perin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Linguistics and Intercultural Communication
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
mgalperin@list.ru

The author considers the events and processes connected with the activity of Nanking Kuomintang at the foreign-policy arena during the period between the defeat of the revolution of 1925-1927 and the beginning of the activization of Japanese military and political expansion in relation to China when Comintern also strengthened its support and management of Communist Party of China in the course of the notorious “proletarian internationalism”. The author puts forward the idea about the necessity of the balanced objective approach to the estimation of both the historical importance of this period itself for the historic fates of China and the role of Chiang Kai-shek as a political leader.

Key words and phrases: Nanking government; Communist Party of China; All-Union Communist Party of Bolsheviks; Comintern; financial help; Chiang Kai-shek; Japan; the USA; Germany; western states; Xi'an.

УДК 347.195

Статья раскрывает правовое положение казенных учреждений, создаваемых с 1 января 2011 года в соответствии с внесенными изменениями в гражданское законодательство. Основное внимание в статье автор уделяет особенностям деятельности казенных учреждений, а также правовому режиму имущества, находящегося на праве оперативного управления или приобретаемого за счет приносящей доход деятельности.

Ключевые слова и фразы: казенные учреждения; основная деятельность учреждения; имущество; право оперативного управления; государственные и муниципальные функции.

Юлия Леонидовна Городилова
Кафедра гражданского и предпринимательского права
Российская государственная академия интеллектуальной собственности
uliyagorod@yandex.ru

КАЗЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАК НОВЫЙ ТИП НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ©

В соответствии с Федеральным законом от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [3] (далее по тексту - Закон) с 1 января 2011 года предусмотрено создание новых типов государственных (муниципальных) учреждений - казенные учреждения. При этом из буквального толкования норм указанного Закона следует, что законодательно правовое положение создаваемых казенных учреждений аналогично правовому положению бюджетных учреждений, установленному и действовавшему до 1 января 2011 года. В действительности, практически произошла замена слов «бюджетное учреждение» на «казенное учреждение», поскольку законодатель применил нормы, касающиеся бюджетных учреждений и закрепленные в Бюджетном кодексе РФ, на впервые создаваемые казенные учреждения. Данный вывод подкрепляется следующим. Ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации [1] (далее по тексту - БК РФ) до внесения изменений определяла бюджетное учреждение следующим образом: это государственное (муниципальное) учреждение, финансовое обеспечение выполнения функций которого, в том числе по оказанию государственных (муниципальных) услуг физическим и юридическим лицам в соответствии с государственным (муниципальным) заданием, осуществляется за счет средств соответствующего бюджета на основе бюджетной сметы. В редакции Закона под казенным учреждением понимается государственное

© Городилова Ю. Л., 2011